

Михаил Ершов. Рецензия на спектакль Тверского театра драмы «Доходное место». Facebook. 30 ноября-2 декабрь 2019 г.

Зная текст «Доходного места», вещи, на мой вкус, не лучшей у Островского, с превосходными кусками, но — многословными публицистическими монологами, сомнительной мелодраматической обвязкой и характерами и ситуациями, ярче реализованными в других комедиях, легко предвидеть, с какими неразрешимыми проблемами столкнутся ее современные интерпретаторы. Поэтому на премьеру не стремился.

Но должен сказать, несмотря на очевидные внутренние противоречия, уперто декларативный подход к классике, усредненность эстетики и принципиальный отказ от сколько-нибудь ярких современных решений в сфере постановки **«Доходное место»** Геннадия Шапошникова — один из лучших спектаклей, что видел на сцене Тверского академического театра драмы за многие годы.

Свет и музыкальное оформление отдают провинциальным дилетантизмом, мебель и костюмы весьма хороши, декорация «богата», монументальна, но малохудожественна, мизансцены просты, не выходят за рамки традиционного бытового прочтения, но, как правило, четки и оправданны. Текст пьесы одухотворяется живой актерской игрой, и со сцены исходит творческая энергия разума и культуры, превращающая толпу в отдельных думающих и чувствующих людей, что мгновенно отражается на лицах и общей атмосфере в зале, хотя теперь в театре обычно происходит обратное.

Режиссер умер в актерах, поэтому о них и о том, как благодаря их работе открылась возможность совершенно нового прочтения пьесы, — попытаюсь рассказать чуть позже.

Примирила с **«Доходным местом»** и с первой фразы влюбила в себя появившаяся во втором действии (*у Островского 5 действий, играют в 2 частях*) выпускница Щукинского училища **Дарья Осташевская**.

Когда хотя бы один актер начинает по-настоящему играть, отблески этого чуда, как новогодний костер, освещают его партнеров и у спектакля появляется волнующее живое дыхание. Фантастическая органика, мгновенная и всегда оправданная смена тембров и эмоциональных регистров, свежесть, свобода от провинциальных штампов, психологическая достоверность и тяга к эксцентрике, сложная в своей наивности и простоте напряженная внутренняя жизнь, максимально искренняя и правдивая, смачное чувство слова. Полинька Осташевской — безо всяких скидок, уникальное художественное создание, о котором, более, чем уверен, мечтал Марк Захаров, когда ставил «Доходное» в Сатире. Подобных Полинек многие десятилетия не было на отечественной сцене, и то, что она вдруг явилась, событие исключительное, которое надо идти и смотреть, затаив дыхание, улавливая каждую фразу, каждое движение рождающейся большой актрисы!

Пожалуй, Осташевской не удастся пока лишь взять высокую финальную ноту и увеличить масштаб своей героини, но тут требуются помощь партнера и целенаправленное развитие всего спектакля, увы, именно к финалу теряющего всякую внятность.

Однажды такая удача была и в карьере **Яны Голубевой** (*уже сошедший со сцены спектакль «Неудобные»*), потом были работы разного уровня, часто разочаровывающие. В Юлиньке, старшей сестре Полины, Голубева делает ощутимый рывок и впервые предстает точным, сильным и по-актерски умным сложившимся мастером. Это другое, но тоже хорошо. Особенно мне понравилась она в 4 действии, когда приходит проведать бедствующую замужнюю сестренку. Собранная, энергичная, стройная, как струна, - в великолепном темпоритме, с блестящей холодной скороговоркой, в которой осмыслено и увидено внутренним взором каждое слово, прожита каждая мысль. Особенно верно, что Юлия не давит на Полину, не чернит Жадова, а как бы даже сочувствует их нелепой попытке жить по-иному и иронизирует над расхожим и своим собственным, в том числе, представлением о семейной жизни. Эта сложная интонация дорогого стоит! Точно так же, как и то, что, уходя, незаметно подкладывает в коробку с подаренной шляпкой пачку денег: живите, как хотите, наказ выполнен, мораль прочитана, а это — по-человечески. Замечательно, что в этом «Доходном месте» все молодые герои, кроме Жадова, очень часто поступают по-человечески. Следя за этой сценой, я, как Булгаков от хождения по ковру, испытывал физиологическое удовольствие, словно нахожусь во МХАТе или Малом театре в их лучшие годы...

Чехов, а позже Тарковский мечтали написать такую сцену, снять такой эпизод: идет мимо человек, останавливается, заводит разговор, обрывает себя на полуслове, прощается и уходит. Ничего вроде бы не произошло, но все после этого по-другому — время воспринимается по-другому и мир вокруг будто иной. Оказывается, такой модернистский эпизод задолго до них написал Островский.

Евгений Романов давно работает в Тверском театре, но, признаюсь, увидел и выделил его только теперь. Его Досужев, случайный посетитель трактира, мужественен, масштабен, опасен и полон своей правды. Актер играет сдержанно и по существу, опять-таки умной скороговоркой, избегая излишней пьяной исповедальности, внушая уважение и интерес к сильной неординарной личности, которой в России суждено только мучиться, душить самого себя и больше ничего. Безусловно, в этой роли есть, куда расти, развиваться, но главное достигнуто совместными творческими усилиями исполнителя и режиссера. Как интересно же, когда на сцене — умные люди, которым есть, что сказать по существу! В какой-то момент возникла надежда, что в театре, наконец, появился еще один молодой ведущий актер, которого тверской труппе катастрофически не хватает.

Наблюдая за работой **Сергея Бескакотова** (*Жадов*) и **Геннадия Бабинова** (*Ониська Белогубов*), то радовался, то впадал в уныние. К глубочайшему сожалению, в театральной школе этим, безусловно, одаренным молодым исполнителям не привили чувство сценической правды, не объяснили, что играть — это жить здесь и теперь, ярко и в полную силу, а не изображать условные литературно-драматические образы. Впрочем, актеры настолько талантливы, что когда увлекаются и суть сцены им оказывается совершенно ясна, в них открывается настоящий серьез, достоинство и темперамент, вспыхивают подлинные чувства. А затем они опять скатываются в кривлянье, так что смотреть их — все равно, что кататься на американских горках.

Сергею Бескакотову по возрасту и числу исполненных ролей пора бы понять, что заблеть козликом «Тетенька, я влюблен!» и припасть к ногам — так играют юность, упоение чувствами и любовь только в дурной пародии на Малый театр и в студенческой самодеятельности. Актер не понял, даже не попытался понять, что такое любовь его героя, и что такое, из чего проистекает обостренное чувство правды и жажда нравственной чистоты. Стоило бы сходить на митинг памяти жертв политических репрессий, где его ровесники сутками читают поминальную молитву, отправиться с ними на выборы или на митинг в Москву, куда они едут, зная, что грозит арест и никто в их защиту письма подписывать не будет. Зачем все это им надо? Почему в канун старого нового года один из них покончил с собой? Что чувствуют эти упертые диссиденты, понимая, что их еще с советских времен не любят и презирают обыватели, но к ним же и бегут, когда негде больше просить помощи и защиты.

Геннадию Бабинову порекомендовал бы пойти в дирекцию, попросить прибавку к зарплате и внимательно проследить за своим состоянием, за интонациями, в которых пойдет разговор. Задуматься, что его герой рос один, без друзей, что женщина — это нечто вообще для него недостижимое, и он искренне благодарен Кукушкиной и Юлиньке, что принимают, что до него снизошли. Заметить, что Ониська в душе благороден и никогда не станет попрекать их за то, что поначалу смотрели на него сверху вниз. Что он рыцарь, убежденный, что мужчина должен защищать женщин и тянуть на своем горбу всю семью. Все это можно играть ярко и смешно, но в начале все-таки необходимо найти неповторимую человеческую правду.

Впрочем, в сцене в трактире Бабинову это по-настоящему удалось, и он играет сильно, глубоко, невероятно интересно, позволяя своему персонажу в довольно-таки двусмысленных обстоятельствах сохранить лицо и человеческое достоинство. Очень верно актер реагирует на эскапады Жадова: мы женаты на сестрах, значит, братья, а братьев не выбирают, им надо помогать. И, парадоксальным образом, именно тема семьи, помощи, благодарности, а вовсе не тема пресмыкательства и казнокрадства становится главной темой Белогубова в исполнении Геннадия Бабинова.

Именно работа Бабинова подсказала интересную мысль, что спектакль , может быть, не о взятках и доходных местах, это последствия, а о постыдной безнравственной мешанине современной жизни, в которую вынуждены погружаться молодые люди, потому что общество и государство ничего иного им предложить не могут и не хотят. Люди, как люди, только вот извращенный дикий капитализм их испортил. Впрочем, развивать эту тему не стану, так как придется касаться вещей, которые в спектакле откровенно не получились, а подобных намерений у меня не было.